

М.А. Фельдман

**ДВИЖЕНИЕ УДАРНЫХ БРИГАД: РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА**

***Аннотация.** История движения ударников в контексте ряда исторических процессов периода Первой пятилетки принадлежит к одному из наиболее таинственных сюжетов советской истории: стремительное появление движения в 1929 г.; позиционирование его в качестве «высшего выражения социалистического соревнования» – и фактическое исчезновение в начале 1930-х годов. Предлагаемая статья показывает спектр надежд лидеров СССР на ударничество: в обстановке нарастания кризисных явлений в городе и массовых волнений крестьян в деревне правящей партии нужна была верная социальная опора, способная стать примером для рабочего социума; стать кадровым резервом ВКП (б); инструментом воздействия на «старых специалистов». Для Сталина и его ближайшего окружения идея «социалистического соревнования» и его наиболее концентрированного выражения в 1929–1931 гг. – ударничества – становилась частью «Великого перелома». Именно поэтому призыв к повсеместному и тотальному вступлению в ударные бригады соседствовал с лозунгом «массового рабочего контроля над государственным аппаратом» в формате «выдвижения лучших ударников на хозяйственную, советскую и профсоюзную работу» и разоблачения «вредителей» из числа «части специалистов, предавших интересы рабочего класса». Проведен анализ реализации планов превращения ударных бригад в «локомотив социалистической экономики». Отмечен ряд волюнтаристских решений в сферах финансирования, соблюдения норм охраны труда, системы мотивации, оттолкнувших большинство рабочих от ударничества. Сделан аргументированный вывод о том, что осознание неэффективности ударничества пришло к руководству СССР на январском (1933) Пленуме ЦК ВКП (б) и Семнадцатом съезде партии в феврале 1934 г., где тема движения ударных бригад практически не поднималась. Однако пути дальнейшего развития экономики для руководителей Советского Союза стали предметом дискуссий.*

***Ключевые слова:** ударничество; рабочие; промышленность; партия; Советский Союз; ударные бригады; хозрасчет; социалистическое соревнование.*

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы

при президенте РФ. Россия, Екатеринбург.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

Feldman M.A. The shock brigades movements: actual content and mythological shell

Annotation. *The history of the shock brigades in the context of a number of historical processes during the period of the First Five-Year Plan represents one of the most mysterious parts of Soviet history: the rapid emergence of the movement in 1929; its positioning as the «highest expression of socialist competition» – and its actual disappearance in the early 1930s. The proposed article shows the range of the Soviet leaders' hopes for shock movement: in an environment of increasing crisis phenomena in the city and mass unrest of peasants in the countryside, the ruling party needed faithful social support that could become an example for working society; become a personnel reserve of the CPSU (b); an instrument of influence on «old specialists». For Stalin and his inner circle, the idea of «socialist competition» and the shock movement as its most concentrated expression in 1929–1931 became part of the «Great Turning Point». That is why the call for universal and total entry into the shock brigades was adjacent to the slogan of «mass workers' control over the state apparatus» in the format of «nomination of the best shock workers for economic, Soviet and trade union work», and exposure of «wreckers» from among the «part of the specialists who betrayed the interests of the working class». The article analyzes the implementation of plans for the transformation of shock brigades into the «locomotive of the socialist economy». It highlights a number of voluntary decisions in the areas of financing, compliance with labor protection standards, and motivation systems, which have alienated the majority of workers from striking.*

A reasoned conclusion is made that the awareness of the ineffectiveness of the shock movement came to the leadership of the USSR at the January (1933) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) and the Seventeenth Party Congress in February 1934, where the topic of the movement of shock brigades was practically not raised. However, the ways of further economic development for the leaders of the Soviet Union became the subject of discussion.

Keywords: *shock movement; 4 workers; industry; party; Soviet Union; shock brigades; self-financing; socialist competition.*

Feldman Mikhail Arkadevich – doctor of historical sciences,
Professor, Ural Institute of Management is a Branch
of the presidential Academy of national economy
and public administration. Russia. Yekaterinburg.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

Постановка проблемы

Мифологизация советской истории касалась всех сторон жизни советского общества, но в наибольшей степени – рабочей истории, поскольку основополагающий тезис марксизма – о рабочем классе, как гегемоне исторического процесса – принуждал историков рассматривать рабочий социум в качестве руководящей силы общества, даже в тех случаях, когда конкретные факты говорили об обратном. История ударничества – наглядный тому пример. Внезапное и бурное появление массового движения ударников в 1929 г.; столь же внезапный его фактический переход в небытие в начале 1930-х годов, несмотря на все попытки официальной статистики и пропаганды поддержать видимость сохранения движения ударников до конца 1930-х годов [История индустриализации СССР 1971, с. 548–554], до сей поры остается покрыто тайной.

Наиболее проницательные советские исследователи рабочей тематики периода Первой пятилетки восторженные оценки ударничества, взятые целиком из партийных документов, сочетали с указанием на отдельные факты, характеризующие действительное положение рабочих промышленности СССР на рубеже 1920-х – 1930-х годов [Дадыкин 1954; Вдовин, Дробижев 1976; Рогачевская 1977; Иванов 1998]. Однако диапазон негативных фактов и явлений в советскую эпоху, как правило, определялся содержанием официальных документов партийно-государственного характера. Указание на приток новых отрядов рабочих из крестьянской среды, незнакомых с производственной и трудовой дисциплиной, весьма осторожное замечание об ухудшении в годы Первой пятилетки жилищно-бытовых условий промышленных рабочих, признание уравниловки в оплате труда – становились максимально допустимым пределом в исторических публикациях.

В последние годы советской эпохи, в конце 1980-х годов, появилась брошюра О.В. Хлевнюка «Ударники Первой пятилетки» [Хлевнюк 1989], в которой впервые была сделана попытка по-новому оценить появление движения ударников. Автор обратил внимание на рассмотрение на Первом съезде ударных бригад острой проблемы: «Каково вообще предназначение ударных бригад в социалистической экономике?». Уже сама постановка подобных вопросов в брошюре означала отход от одиозной парадности в оценке ударничества. Однако ответы на поставленные вопросы не прозвучали.

Уход рабочей тематики в постсоветский период на второстепенные позиции исторических исследований, привел к тому, что на сегодняшний день в научной литературе отсутствует понимание того, в чем же заключалась подлинная причина появления движения ударников, какова его историческая роль в событиях Первой пятилетки, в чем причина его ухода «по-английски» с исторической сцены. Каково было подлинное отношение и участие рабочих

в движении ударных бригад? Поиску ответов на поставленные вопросы посвящена наша статья.

Становление ударничества в 1929 г.

Период осени 1928 – зимы 1929 г. стал временем плановой турбулентности. Если обоснованный и тщательно просчитанный вариант Госплана («Перспективы развертывания народного хозяйства») предусматривал рост экономики за пятилетие на 79,5%, то утверждённый 23 марта 1929 г. президиумом Госплана отправной вариант предусматривал рост на 134,9%, а оптимальный – на 179% [История социалистической экономики, с. 19].

Каким же образом следовало выполнить резко увеличенный пятилетний план? Что могло содействовать реализации ежегодных заданий, оторванных от обеспечения материальными ресурсами и квалифицированными кадрами?

Разработанная Госпланом СССР ставка на основательную подготовку рабочих кадров была обстоятельно прописана в Первом пятилетнем плане: за пять лет планировалось обучить 1535,8 тыс. индустриальных рабочих, в том числе в школах ФЗУ – 217,3 тыс., в профтехшколах – 44,6 тыс. и через базы Центрального института труда – 112,5 тыс., непосредственно на производстве – 1162,4 тыс. человек. Общие расходы на подготовку рабочих кадров составляли 732 млн руб. (при росте численности рабочих за пятилетку на 33%) [Пятилетний план, т. 2, с. 245–246]. Это означало, что к концу пятилетки более половины состава заводских коллективов должны были быть представлены квалифицированными рабочими.

Однако такой курс не вписывался в тактику форсированной индустриализации первых двух лет пятилетки и «бешеных темпов» последующих месяцев [Такер 2013, с. 121–123]. Оставалась ставка на использование внутренних ресурсов советских рабочих – увеличение физических нагрузок и протяженности рабочего дня – факторов, заметим, противоречивших официальным установкам Первого пятилетнего плана. Столь очевидное противоречие нуждалось в мощном идеологическом прикрытии. Идея «социалистического соревнования» и его наиболее концентрированного выражения в 1929–1931 гг. – ударничества – должна была стать идейным обоснованием интенсификации труда советских рабочих, став составной частью «Великого перелома».

Сведения в советской исторической литературе о *стихийном движении* рабочих масс, как инициаторах социалистического соревнования, явно диссонируют с указанием на учреждение при партийных органах (обкомах, горкомах, райкомах, заводских и цеховых парткомах) специальных комиссий по развертыванию социалистического соревнования [Дадыкин 1954, с. 109]. В такой ситуации административные методы воздействия воспринимались как естественные. Например, приказ от 16 января 1929 г. председателя ВСНХ

В.В. Куйбышева, предписывающий всем хозяйственным органам оказать содействие в организации и работе ударных бригад, автоматически получал продолжение: «весной и летом 1929 г. почти на всех предприятиях парткомы принимали решения о развитии ударных бригад», нацеленных на перевыполнение плановых заданий, борьбе с прогулами, иными нарушениями трудовой дисциплины [Рогачевская 1977, с. 104].

Выполняя решения партии, ВЦСПС установил «плановый показатель» так называемого «ленинского» призыва в 500 тыс. ударников. Аналогичные задачи были поставлены областными профсоюзными советами. Чудесным образом эти задачи (фактически за месяц), к концу февраля 1929 г., были выполнены и перевыполнены [Пастухов 1930 а, с. 12–14].

Приведенные выше характеристики позволяют лучше понять подлинную картину развертывания «социалистического» соревнования в СССР в 1929 г. Многочисленные сообщения о соревновании регионов («Урало-Сибирская перекличка»), отдельных предприятий [История советского рабочего класса, с. 254–255] в условиях «неопределенности материальных и моральных стимулов» работы ударных бригад и «социалистического» соревнования в целом; создании ударных бригад по указанию партийных и профсоюзных комитетов указывали только на внешнюю, формальную сторону явления.

Ярким примером отношения Сталина и его окружения к «социалистическому соревнованию», к рабочему социуму в целом, является один из самых романтизированных и мифологических документов предвоенных пятилеток – Постановление ЦК ВКП (б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов», принятое 9 мая 1929 г. Постановление предусматривало как моральные (красный список, почетная грамота, переходящее трудовое знамя и т.д.), так и материальные (премии) формы поощрения. Для премирования создавался Особый фонд [Решения 1967, с. 53–55]. Обратим, однако, внимание на принципиальный момент: Постановление *не указывало на принципы формирования фонда премирования* – и это не было случайностью: лихорадочное повышение плановых показателей первого года пятилетки превращало проблему финансирования труда работников промышленности во вторую-степенную.

В силу этого утверждения исследователей о том, что в течение марта и апреля 1929 г. соревнование приобрело массовый характер и охватило два млн соревнующихся – соседствовали с признаниями о «нацеленности встречных заводских планов главным образом на количественное увеличение выпуска продукции» [Рогачевская 1977, с. 101] и с заявлениями (на всех уровнях) о низкой производственной дисциплине и недостаточной производительности труда в промышленности [Хлевнюк 1989, с. 7]. Без комментариев оставались данные о наличии в «некоторых городах предприятий, целиком являвшихся ударными» и тот факт, что в декабре 1929 г. в СССР насчитыва-

лось не более 300 тыс. ударников [Дадыкин 1954, с. 136]. Это означало, что в ударных бригадах насчитывалось менее 10% от трех млн рабочих советской промышленности [Вдовин, Дробижев 1976, с. 97]. Журнал Наркомата труда «Вопросы труда» указывал на несколько больший показатель: 10–15%, при этом, оговариваясь – «ударничеством охвачена только передовая часть рабочих» [Пастухов 1930 а, с. 12]. К чести работников журнала, иллюзий в отношении «ленинского призыва» не было: незамеченными не остались «слабый учет результатов соцсоревнования» и частые случаи формального отношения к ударничеству. Как особо опасные, характеризовались факты «провозглашения целых заводов ударными, без предварительной подготовки», что вело к «опошлению социалистического соцсоревнования» [Пастухов 1930 а, с. 12–14].

Сопоставление статистических показателей, характеризующих «невиданный размах» «социалистического соревнования», дает удивительный результат: достигнув в апреле 1929 г. двух млн участников, к январю 1930 г., по данным ВЦСПС, соревнованием и ударничеством было охвачено лишь 29% рабочих основных отраслей, или 903 тыс. человек, т.е. менее половины апрельского уровня [Дадыкин 1954, с. 208]. После года «массового развертывания социалистического» соревнования и «небывалого подъема политической и производственной активности рабочего класса» итог был явно неожиданным для руководства СССР.

Чем объясняло руководство ВКП (б) такое несоответствие эйфории пропагандистских лозунгов и реальных фактов? Непониманием инженерно-техническими работниками роли «социалистического соревнования», «вредительством» со стороны «старых» специалистов; позицией ряда профсоюзов и «вражеской верхушки ВЦСПС, навязывавшей тред-юнионистские подходы», а также наличием в рабочем социуме обширного слоя отсталых рабочих [Дадыкин 1954, с. 94, 108]. Все эти объяснения хорошо укладывались в сталинскую схему «обострения классовой борьбы». В советской исторической науке только констатировались поразительные факты, явно дискредитирующие ударничество. Например, с движением ударников связывалось начатое летом 1929 г. «добровольное снижение расценок и повышение норм выработки» рабочими, имеющее целью «дать добавочные средства на дело строительства социализма» и столь же «добровольное» «уплотнение рабочего дня и переход на обслуживание большего числа станков» [Дадыкин 1954, с. 139–141].

Цинизм целенаправленного снижения и без того невысокого уровня жизни советских рабочих пыталась скрыть пропагандистская машина, но скорее неудачно, если тем же летом 1929 г., в июле, на Президиуме ВЦСПС отмечались весьма сомнительные результаты от работы ударных бригад [Хлевнюк 1989, с. 10]. За счет более высокой выработки «ударники давали значительный брак в выпуске продукции и тем самым приносили не пользу, а вред

предприятию» [Дадыкин 1954, с. 142]. Не способствовали доверию к ударным бригадам и появляющиеся в профсоюзной печати сообщения о необоснованно высокой, опасной для здоровья интенсификации труда ударников.

Только в сентябре 1929 г. СНК СССР принял Постановление о порядке премирования передовиков за увеличение производительности труда и выпуска продукции, улучшение качества, снижение себестоимости продукции и уменьшение брака. В документе говорилось о создании фондов содействия социалистическому соревнованию, но фактически только на рентабельных предприятиях. До достижения такого уровня «предприятия по соглашению с подлежащими профессиональными организациями» должны были производить «авансовые отчисления на образование этих фондов в размере от 1/4 до 1/2% установленного для них фонда заработной платы» [Постановление 1929].

О незначительности этих сумм говорит такой факт: общая сумма денежных средств фонда, выделенная для премирования передовиков соревнования в промышленности и на транспорте составила к концу 1928/29 хозяйственного года 6 млн руб. С учетом того, что численность только промышленных рабочих СССР в 1928 г. составила 3,1 млн человек, и стремительно росла в 1929 г., это была весьма небольшая величина. Премии передовикам на промышленных предприятиях выделялись главным образом в виде отдельных подарков, технической литературы, билетов в театр, простейших радиоприемников и т. д. Это означало как преобладание натурального характера премирования, так и его отдаленность от взаимосвязи выработки продукции и оплаты труда. Примечательно (удивительно смелое для 1954 г.!) замечание Р.П. Дадыкина: на многих предприятиях «фонды премирования либо не создавались вовсе, либо создавались, но не расходовались по назначению, а если расходовались, то на выдачу чрезвычайно мизерных премий» [Дадыкин 1954, с. 161]. Подобный уровень финансирования явно не способствовал мотивации труда рабочих. В этом заключалась главная причина невысокой реальной численности ударных бригад на протяжении всего 1929 г.

Первый Всесоюзный съезд ударных бригад (5–10 декабря 1929 г.)

В такой ситуации 5 декабря 1929 г. в Москве, в Доме Союзов, собрались делегаты Первого Всесоюзного съезда ударных бригад. В предисловии к сборнику документов и материалов этого съезда, опубликованному только через 30 лет в 1959 г.(!), сообщалось о предыстории съезда («созыву Всесоюзного съезда предшествовали областные и краевые, окружные съезды ударных бригад, где были подведены первые итоги ударничества, избраны делегаты (*свыше тысячи*) на Первый Всесоюзный съезд ударных бригад [Первый

Всесоюзный 1959, с. 2]. В реальности в первый день работы съезда его участниками стали 820 делегатов, в том числе 690 ударников из 17 отраслей промышленности СССР [Дадыкин 1954, с. 5]. Открытие съезда совпало с официальным подведением итогов первого года Первой пятилетки, определив сочетание осмысления движения ударников и всей экономики Страны Советов.

Почему публикация документов столь примечательного мероприятия в советской истории задержалась на 30 лет? Почему, зная о весьма скромных результатах развертывания движения ударников, руководство ВКП (б) пошло на созыв Первого Всесоюзного съезда ударных бригад?

В обстановке нарастания кризисных явлений в городе и массовых волнений крестьян в деревне правящей партии нужна была *верная социальная опора*. Такой опорой и должны были стать ударники. Само по себе движение ударников, нацеленное на выполнение и перевыполнение производственных заданий, как и соблюдение трудовой дисциплины, вполне укладывались в систему мер по совершенствованию организации труда на производстве. Но в конкретных драматических условиях декабря 1929 г. (начала «Великого перелома»), ударники превращались в стратегический ресурс сталинского руководства. Помимо агитации в рабочей среде за выполнение завышенных, фактически нереальных заданий, на долю ударников выпало и активное участие в походе в деревню в формате «двадцатипятипятитысячников» [Борисов 1959]. Ударники, как «образцовые советские рабочие», прославляемые средствами пропаганды, должны были отвлечь внимание народных масс от стремительного снижения жизненного уровня – следствия волюнтаристского пренебрежения рыночными законами. Наконец, успех движения ударников должен был убедить колеблющуюся часть ЦК ВКП (б) в правильности и неизбежности «Великого перелома».

Заседания Первого Всесоюзного съезда ударных бригад широко освещались в официальной прессе. Работу первого дня съезда открывал доклад члена Политбюро ЦК ВКП (б) Куйбышева «О социалистическом соревновании и ударных бригадах и их роли в деле построения социализма» [Первый Всесоюзный 1959, с. 41–54]. Патетически звучали слова Куйбышева о грандиозности проходящего события, о том, что ударничество и движение бедняцко-среднеацкой части крестьянства «по линии создания социалистических форм хозяйства в 1928/29 г. делают 1928/29 хоз. год рубежом совершенно нового масштаба и размаха строительства социализма». Необходимость удвоения плановых показателей по ряду ведущих отраслей Куйбышев представил как данность, а решение Правительства – «во что бы ни стало форсировать это дело» – как прямую обязанность рабочих, «взявших максимально ударные темпы». Ударникам глава ВСНХ предписывал перевоспитание «отсталых слоев рабочего класса», а инженерно-техническим работникам – обязанность

помогать ударным бригадам [Первый Всесоюзный 1959, с. 45–47]. После Шахтинского процесса (1928) [Шахтинский процесс 2011; Шахтинский процесс 2012] по-особому воспринималось заявление Куйбышева о необходимости борьбы с бюрократами из числа инженерно-технических работников, «не уделяющих должного внимания ударным бригадам» [Первый Всесоюзный 1959, с. 51]. Таким образом, в первый же день работы съезда директивные указания руководства ВКП (б) «великому движению, начавшемуся среди нашего рабочего класса» [Первый Всесоюзный 1959, с. 48], определили его задачи и обязанности. Ударные бригады, охарактеризованные Куйбышевым в качестве «высшего выражения социалистического соревнования» [Первый Всесоюзный 1959, с. 46], должны были стать штурмовым отрядом правящей партии в осуществлении «Великого перелома».

Выступление на второй день работы съезда секретаря ВЦСПС Г.Д. Вейнберга с докладом ВЦСПС «О ходе социалистического соревнования в стране и задачах ударных бригад» [Первый Всесоюзный 1959, с. 61–76] фактически повторяло все оценки, данные председателем ВСНХ. Однако руководство ВЦСПС вынуждено было отражать настроения рабочих, и, хотя бы частично, давать объективную картину происходящего. Отсюда в докладе Вейнберга отмечались и негативные черты движения ударников, такие как незначительное число ударных бригад, нередко оторванных от основной массы рабочих. В работе ударных бригад доминировала ставка на количественные показатели, в ущерб качеству выпускаемой продукции. В результате, при росте выпуска продукции был очевиден рост доли брака и ухудшение качества изделий [Первый Всесоюзный 1959, с. 65].

Прецедент был создан, и в выступлениях делегатов съезда профсоюзов прозвучали оценки ударничества, явно не вписывающиеся в «светлую картину социалистического соревнования» из доклада Куйбышева. Делегаты съезда отмечали совершенно неудовлетворительно организованную практику заключения социалистических договоров, отсутствие необходимого учета их выполнения; неконкретность отдельных обязательств и слабую работу по рационализации и изобретательству. Показательным можно считать выступление Д.М. Кузьмина от рабочих «Красное Сормово», заявившего, что «отсутствие на предприятии заводского и цеховых планов» оборачивается простоями в начале месяца и сверхурочными работами в конце месяца, «фактически срывающими соцсоревнование» [Первый Всесоюзный 1959, с. 124].

«Пар» недовольства ударников был выпущен. И в последний день работы съезда – 10 декабря 1929 г. – в безукоризненном с точки зрения партийно-политического языка «Обращении Первого Всесоюзного съезда ударных бригад ко всем трудящимся страны о расширении социалистического соревнования в стране» – прозвучал нужный Сталину и его окружению призыв «добиваться выполнения пятилетки в четыре года» [Первый Всесоюзный

1959, с. 173]. Обращение менее всего походило на документ, принятый по собственной инициативе делегатов съезда, рабочих-ударников. Призыв *к повсеместному и тотальному вступлению в ударные бригады* соседствовал с лозунгом «массового рабочего контроля над государственным аппаратом» в формате «выдвижения лучших ударников на хозяйственную, советскую и профсоюзную работу» и разоблачения «вредителей» из числа «части специалистов, предавших интересы рабочего класса» [Первый Всесоюзный 1959, с. 174–175]. Съезд указал на необходимость выдвинуть в течение 1929–1930 гг. на профсоюзную и хозяйственную работу не менее 5 тыс. ударников, для «улучшения работы вышеназванных структур» [Первый Всесоюзный 1959, с. 176–177].

Примечательно противоречие мысли ведущего советского историографа социалистического соревнования – И.Е. Ворожейкина, утверждавшего что в работе съезда «отразился пафос созидания, охвативший широкие массы трудящихся в связи с грандиозными планами пятилетки», но в следующем же абзаце, признавшего, что «ударничество не отличалось большой массовостью», «охватив лишь передовую, самую сознательную часть рабочего класса» [Ворожейкин 1984, с. 75].

Кто же должен был улучшить работу управленческих структур? Анализ анкет делегатов Первого съезда ударных бригад показал, что 3/4 из них (73,5%) были коммунистами и комсомольцами, около половины выполняли партийную работу, 69,7% – профсоюзную. 67,2% участников Первого съезда ударных бригад были молодые люди до 30 лет; причем 30,2% – делегаты моложе 22 лет [Первый Всесоюзный 1959, с. 180]. Как видно, основную массу делегатов составляли молодые рабочие из числа коммунистов и комсомольцев. Молодые, плохо образованные рабочие из вчерашних крестьян острее чувствовали необходимость улучшить своё материальное положение и легче впитывали пропагандистские призывы и идеологические лозунги.

Ударников отличал невысокий образовательный уровень: 50,8% делегатов не имели и начального школьного образования. Только десятая часть (10,2%) закончили школу второй ступени (5–7 классы) или продолжали в ней учиться. Такая же часть делегатов (10,4%) закончили школы ФЗУ. Вместе с тем знамение времени можно считать появление в среде делегатов небольшой группы (2,9%) студентов вечерних и заочных отделений техникумов и втузов. Всего же почти треть делегатов съезда (30,7%) продолжали учиться в различных образовательных учреждениях. Среди молодых рабочих (до 40 лет) этот показатель поднимался до 40% [Первый Всесоюзный 1959, с. 183–184]. Портрет ударника – это портрет читающего рабочего, но читающего преимущественно газеты (98,2%) с постоянным набором агитационно-пропагандистских материалов. Специфической была структура читаемых ударниками журналов – преобладали партийно-профсоюзные журналы (37%)

и существенно в меньшем количестве – научно-технические журналы (20%) [Первый Всесоюзный 1959, с. 183–184]. Рабочий-активист с партийным или комсомольским билетом, участвующий в различных формах обучения, либо еще ожидающий своего часа, был наиболее характерным участником съезда ударных бригад.

Таким образом, рожденное по воле руководства ВКП (б), движение ударников должно было стать донором правящей партии и одновременно орудием в ее руках; выступить в роли «идеального образца» для трудящегося населения СССР.

Апогей ударничества: социалистическое соревнование в условиях социально-экономического кризиса 1930 г.

По решению правящей партии главной задачей первых месяцев 1930 г. стал курс на стремительное расширение состава движения ударников. Оттолкнувшись от опыта ВКП (б) – практики «ленинского призыва» в партию в 1924 г. – партийно-профсоюзные органы начали подталкивать рабочих, коллективы целых цехов и заводов «объявлять себя ударниками». За неполные два месяца «ленинского набора» (январь-февраль 1930 г.) ряды ударников по официальным данным выросли на 1,5 млн человек [Материалы 1932, с. 25]. С точки зрения марксистской идеологии ударничество стремительно набирало силу.

Одновременно, широкое распространение на предприятиях получили в этот период производственные коммуны и так называемые производственные коллективы. Уже к 1 мая 1930 г. в них, по официальным данным, объединились 13% всех соревнующихся рабочих. Производственные коммуны и коллективы, базирующиеся на уравнительном распределении заработков, насаждались насильно. Это была только часть формирующейся командно-административной системы; инструмент социальной мобилизации как системной характеристики сталинского режима на стадии его утверждения (конец 1920-х – 1930-е годы) [Красильников 2018, с. 25].

Правящей партией ударники рассматривались как «передовые рабочие» и составили значительную часть из почти миллионной армии рабочих, срочно в массовом порядке принятых в ряды кандидатов в члены ВКП (б) в 1930–1931 гг. [Юдин 1973, с. 117, 128]. Однако удвоение численности партии коммунистов не повлияло на положение дел в экономике, настроения в рабочем социуме.

Наращение ненаучных «левацких» взглядов в высшем руководстве СССР в самых различных сферах экономики на протяжении «особого квартала» 1929–1930 гг. имело вполне очевидный результат: производственные планы были настолько преувеличены, что невозможно было заключать реа-

листочные контракты. Поскольку под эти планы было открыто «щедрое финансирование предприятий», «деньги никто не считал», и дорога к стремительной инфляции была открыта [Davies 1996, p. 51].

Огромные капитальные вложения в тяжелую промышленность, сделанные в 1929–1930 гг., в значительной мере были заморожены в незавершенных стройках. Индустриальные скачки, непомерное увеличение капитальных вложений в тяжелую промышленность, игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну так называемого «спецедействия», падение дисциплины на производстве – привели к глубокому кризису в советской промышленности в 1930 г. Реагируя на кризисные явления в экономике, пленум ЦК ВКП (б) в декабре 1930 г. провозгласил курс на укрепление финансовой дисциплины и сокращение расходов. Так, в конце 1930 г. завершился первый этап сталинской революции, наглядно продемонстрировавший ее разрушительный характер [Хлевнюк 2010, с. 82–83, 85–86]. Тотальная дезорганизация производства, массовая текучесть на предприятиях, введение карточной системы – все это дезавуировало смысл и содержание движения ударничества; превращало его в формальное явление. Руководство ВКП (б) решило возглавить критику «отдельных недостатков» ударничества с самой «высокой трибуны» – XVI съезда партии в июне 1930 г.

Организационный отчет XVI съезду, представленный секретарем ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановичем, сообщал о многочисленных случаях искусственного, административного создания «отрядов» ударников, массовых «мобилизациях» в ударники по приказу сверху. «Есть случаи, – иронизировал секретарь ЦК, – когда объявляются ударными целые цехи и заводы, а ... рабочие даже не знают о том, что они ударники...». Наряду с этим, речь шла о проявлении «иждивенческих, уравнилельных тенденций» при создании «тесно связанных с ударным движением... производственных коммун и производственных коллективов» [XVI съезд 1930, с. 61].

Информировав съезд о том, что «обследование Госплана, происходившее в мае 1930 г., охватившее 20 крупнейших предприятий, показало, что соцсоревнованием охвачено 87% рабочих этих предприятий, [а] ударничеством – 48% рабочих». Каганович тут же констатировал: «на ряде заводов, чем шире становится охват рабочих ударными бригадами, тем меньше становится в них действительного ударничества» [XVI съезд 1930, с. 61].

Последующая мысль Кагановича о том, что когда «количество ударных бригад расширяется до больших размеров ... они превращаются просто в группы обычных рабочих с одним только названием» [XVI съезд 1930, с. 61] – в принципе, звучала как приговор «высшему выражению социалистического соревнования». В данном случае речь идет о проявлении разочарования

Сталина и его окружения в способности ударничества остановить нарастающие негативные явления в экономике страны в первом полугодии 1930 г.

Каким же был экономический эффект от движения ударников? Как сами рабочие оценивали ударничество? В чем заключалась позиция руководителей предприятий, цехов, участков? Ответов на эти вопросы делегаты съезда не получили, за исключением скупой реплики секретаря ЦК: «Точно подсчитать экономическую эффективность ударничества очень трудно». Показательно другое: примеры действенного ударничества в Организационном отчете в реальности говорили только о наведении элементарной производственной дисциплины.

В такой атмосфере съезда ВКП (б) было неудивительно, что доклад председателя ВЦСПС Н.М. Шверника «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» [XVI съезд 1930, с. 645–666] был «задвинут» на предпоследнее заседание партийного форума. Судя по тексту стенографического отчета, единственное место доклада, получившее одобрительную реакцию зала, было посвящено критике ударничества – «заводов, которые формально объявляют себя ударными, не подготовив всю массу к работе по-ударному, не оправдывают своего звания ударных заводов», а также многочисленных случаев «лжеударничества» [XVI съезд 1930, с. 651].

Показательна и оценка журналом Наркомата труда состояния ударничества за 1929–1930 хозяйственные годы: по итогам проверок, значительная часть ударников носит это звание чисто формально, в Москве есть заводы и фабрики «без ударников», а там где они есть – не исчезли ни прогулы, ни нарушения производственной дисциплины и высокий уровень брака [Пастухов 1930 б, с. 43].

Двойственная оценка феномена ударничества на XVI съезде ВКП (б) предопределила вектор последующих действий со стороны партийных организаций: сохраняя формально сведения о «широком» распространении движения ударников, основные усилия направлялись на его обновление, приспособление к особенностям периода «миниреформ», отсчет которых историки начинают с проведения 30 января – 4 февраля 1931 г. Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, собравшей представителей ВСНХ и директорского корпуса, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, ряда управленцев из государственных и партийных структур [Хлевнюк 2010, с. 113].

Было очевидно, что завеса мифологии о триумфах советской экономики, подвигах ударников постоянно разрывалась конкретной информацией о качестве продукции и состоянии хозрасчетных отношений. Критика экономической политики со стороны директорского корпуса, прежде всего руководителей предприятий тяжелой промышленности, продемонстрированная в 1931 г. на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промыш-

ленности [Первая Всесоюзная 1931, с. 23–24; 31–34], а также в выступлениях на партийных форумах начала 30-х годов даже в сглаженном формате представляла собой своеобразную форму социального протеста.

Ударничество в период «миниреформ»

Возникшая в результате «миниреформ» в 1931–1933 гг. советская экономическая система при Сталине (и после него) «постоянно воплощала в себе несколько важных черт, отсутствующих в “командно-административной” модели: деньги играли значительную, хотя и подчиненную роль в советском государственном социализме, а “экономический учет” ставился как вспомогательная цель для каждой экономической единицы. Труд контролировался не только административными приказами, но и посредством стимулирования заработной платы; существовал “квазирынок” для труда» [Davies 1996, p. XV].

С начала 1931 г. ударные бригады трансформировались в **хозрасчетные**, официально нацеленные на «введение смет расходования материалов при выполнении конкретных производственных заданий». Повсеместный характер такого процесса; выход большими тиражами популярных брошюр: «Как организовать хозрасчет в бригаде», «Бригада на хозрасчете» и т.п. [Рогачевская 1977, с. 113] говорит о наличии соответствующих партийных директив.

В выступлении Н.М. Шверника с Отчетом ВЦСПС Девятому съезду профсоюзов (21 апреля 1932 г.) хозрасчетные бригады характеризовались в качестве «высшей ступени социалистического соревнования». Сила же хозрасчетных бригад, по оценке председателя ВЦСПС, заключалась в том, что они «сочетали социалистическое соревнование и ударничество с материальной заинтересованностью», а массовость участников – 150 тыс. хозрасчетных бригад с 1,5 млн участниками на 1 апреля 1932 г. – должна была свидетельствовать о глубине поддержки рабочим классом дела социализма [Девятый Всесоюзный съезд 1933, с. 70–71].

«Непрерывно растет число предприятий и цехов, сплошного хозрасчета», при этом показателен пример Ленинградской области, где 70 % промышленных рабочих охвачены хозрасчетными бригадами – утверждал журнал «Вопросы труда» в мае 1932 г. [Губарев 1932, с. 19], не замечая, что повторяется ошибка, характерная для развертывания движения ударных бригад в 1929–1930 гг. – ставка на максимально возможный охват рабочих очередной формой «социалистического соревнования».

Судя по официальным источникам, «высшая ступень социалистического соревнования» неуклонно прогрессировала, и в конце 1932 г. в СССР имелось уже 200 тыс. хозрасчетных бригад, охвативших 40% рабочих ценовой промышленности, т.е. около 2,5 млн человек [За новые миллионы 1933]. Однако как и в случае с первым этапом ударничества (движением ударных

бригад), несмотря на примеры отдельных успехов, в целом движение по созданию хозрасчетных бригад было обречено: декларируемые хозрасчетные отношения в СССР не вписывались в существующую экономическую систему. Показательно в этом отношении выступление председателя ВСНХ Г.К. Орджоникидзе, на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 30 января 1931 г. отметившего «бесхозяйственное отношение к расходованию сырья и материалов», ставшее подлинным бедствием для советской экономики. Причина такого явления заключалась в том, что хозрасчет в промышленности и в строительстве существовал только «на бумаге» [Первая Всесоюзная 1931, с. 12].

Мнение председателя ВСНХ поддержало большинство выступавших, отметивших отсутствие в промышленности и строительстве подлинного хозрасчета. Пожалуй, наиболее отчетливо эта мысль прозвучала из уст директора АМО И.А. Лихачева: «Хозрасчета у нас нет. Оборотных средств нам не дают. Бюджет часто составляется липовый» [Первая Всесоюзная 1931, с. 33].

Спустя год, 30 января 1932 г., выступая с докладом на XVII конференции ВКП (б), Орджоникидзе вновь констатировал: «на протяжении последних лет хозрасчет у нас почти полностью пропал [XVII конференция 1932, с. 19]. Тем самым представитель высшего советского партийно-государственного руководства, более других внесший вклад в реализацию пятилетнего плана, признал, что многочисленные решения и постановления ЦК и СНК о внедрении хозрасчета не дали никаких результатов.

В начале 1930-х годов в экономике СССР сохранялись инфляционные тенденции. Следствием этого, наряду с расстройством рынка, стал стремительный рост цен на продукты и товары. Согласно официальным данным, собранным Госпланом, в период Первой пятилетки номинальная заработная плата рабочих и служащих выросла на 126%. В это же время индекс цен в государственной и кооперативной торговле вырос на 155%. Другими словами, «реальная» заработная плата в 1932 г. составляла 88,6% от уровня 1928 г. [Малафеев 1964, с. 174]. Однако, по современным оценкам, индекс розничных цен рос в 1928–1932 гг. в 2,5 раза [Русский рубль 1994, с. 235], т.е. вдвое быстрее, чем заработная плата. Это означало, что «реальная» заработная плата в 1932 г. составляла 56% от уровня 1928 г. По другим оценкам, реальная заработная плата занятых в промышленности за годы первой пятилетки снизилась от 30 до 50%. Провал постиг все социальные программы первой пятилетки [Davies 1996, p. 479].

СНК СССР и наркоматы неоднократно принимали постановления, фактически сводящие к минимуму премиальные средства. Например, в феврале 1931 г. постановлением ЦИК и СНК было запрещено выплачивать премию чаще одного раза в квартал [Собрание законов 1931, с. 48]. В результате, например, в Уральской области за перевыполнение производственной програм-

мы в 1932 г. было премировано всего лишь 32 рабочих на сумму 1840 руб., в 1933 г. – 269 рабочих на сумму 20 845 руб. [Хозяйственное и культурное строительство 1934, с. 170]. «С премированием соцсоревнования дело обстоит не совсем благополучно», – признал в докладе ВЦСПС на XVI съезде ВКП (б) Н.М. Шверник [XVI съезд 1930, с. 651].

Все многочисленные попытки директивным образом ввести хозрасчет и рациональное расходование денежных средств – ни на уровне наркоматов, ни на предприятиях – не увенчались успехом. В обстановке выдачи средств банками автоматически, независимо от хода реализации плана и качества произведенных работ, государственная политика только внешне носила централизованный характер. На самом деле, наркоматы и экономические ведомства мало контролировали ситуацию. В инфляционных условиях 1930–1931 гг. денежное стимулирование за счет дифференцированной заработной платы и премий приобрело второстепенное значение. На первый план вышли распределение одежды и обуви, улучшенные пайки и дополнительные отпуска, наделение жильем в улучшенных бараках [Davies 1996, p. 49, 52, 53]. Подобная оценка состояния «хозрасчетных» отношений в СССР позволяет понять, почему после описания «эпических» успехов движения хозрасчетных бригад, историки советской поры бесстрастно сообщали: «с 1933 г. движение по созданию хозрасчетных бригад пошло на убыль» [Рогачевская 1977, с. 117].

Только в подстрочнике официозное издание «История советского рабочего класса в шести томах» отмечало: причина того, что движение хозрасчетных бригад пошло на убыль, заключалась в том, что «отсутствие подлинного хозрасчета цехов и предприятий, существенно снижало эффективность хозрасчета бригад» [История советского рабочего класса 1984, с. 457]. Удивительно точны бывали подстрочники в советскую эпоху!

Заключение

Движение ударников в советской промышленности – одно из наиболее ярких событий Первой пятилетки в СССР. Миф о «небывалом подъеме политической и производственной активности рабочего класса» на долгие десятилетия стал основополагающим в формировании картины создания «социалистического общества».

Судьба ударничества стала частицей «Великого перелома», фрагментом форсированной индустриализации, разделив вместе с ними место в пропагандистской доктрине о построении «фундамента социализма», а затем и в кризисе политики «бешеных темпов». Ставка на усиленную интенсификацию труда промышленных рабочих без материального стимулирования и системного повышения производственно-технической подготовки, обернулась вы-

сокой текучестью кадров на предприятиях индустрии в 1930–1931 гг., фактически бегством советских граждан в поиске лучшей доли.

Крах движения ударных бригад не смогли предотвратить ни массовый прием ударников в ряды ВКП (б), ни выборочное премирование «лучших» ударников предметами одежды и обуви. В условиях отсутствия хозрасчетных отношений аналогичная судьба ожидала и так называемые «хозрасчетные бригады». Отторжение движения ударников стало проявлением рабочим социумом собственного понимания социальных проблем. Если административное насаждение ударных бригад дискредитировало движение, то девальвация заработков его лишила смысла.

Осознание неэффективности ударничества пришло к руководству СССР на январском Пленуме ЦК ВКП (б) 1933 г. и Семнадцатом съезде партии в феврале 1934 г., где тема движения ударных бригад практически не поднималась. Лидеры Советского государства, включая Сталина, в 1933–1934 гг. пришли к выводу о том, что ситуацию могли изменить только последовательные меры по улучшению жизни рабочих; общегосударственная программа обязательного технического обучения всех рабочих советской индустрии; признание значимости личного интереса, важности материальных стимулов к труду. Реализация этих мер привела к временной стабилизации положения в экономике. Однако миф о возможности за счет «скачка» стать в военном и экономическом отношении первой мировой державой сохранялся в сознании Сталина и его ближайших соратников и нашел свое выражение в 1935 г. в стахановском движении.

Часть ударников, осознав необходимость продолжения профессионально-технической подготовки в различных стационарных учебных заведениях, выбрала дорогу к повышению квалификации. Органы государственной власти содействовали такому порыву.

Библиография

- Борисов Ю.С. 25-тысячники. М.: Госполитиздат, 1959. 95 с.
- Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940. М.: Мысль, 1976. 264 с.
- Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма. Краткая история социалистического соревнования в СССР. М.: Политиздат, 1984. 336 с.
- Дадыкин Р.П. Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. М.: Госполитиздат, 1954. 224 с.
- Девятый Всесоюзный съезд профессиональных союзов СССР: стенографический отчет. М.: Профиздат, 1933.
- За новые миллионы ударников // Труд. 1933. 1 января № 1. С. 3.
- Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28–43.

- История индустриализации СССР. 1926–1941 гг.: документы и материалы: в 4 т. М.: Наука, 1971. Т. 3: Индустриализация СССР 1933–1937 гг. 654 с.
- История советского рабочего класса: в 6 т. М.: Наука, 1984. Т. 2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937. 511 с.
- История социалистической экономики СССР: в 7 т. М.: Наука, 1977. Т. 3: 1926–1932. М.: Наука. 1977. 536 с.
- Как ломали НЭП: стенограмма пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. М.: Международный фонд «Демократия»: Материк, 2000. Т. 5: Пленум ЦК ВКП(б). 10–17 ноября 1929. 694 с.
- Красильников С.А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 38–45.
- Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М.: Мысль. 1964. 439 с.
- Материалы к отчету ВЦСПС IX съезду профсоюзов. М.: Профиздат. 1932. 230 с.
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
- Пастухов М. Итоги ленинского призыва ударников // Вопросы труда. 1930 а. № 4. С. 12–17.
- Пастухов М. Движение ударников к началу решающего года пятилетки // Вопросы труда. 1930 б. № 10. С. 41–46.
- Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М.: Соцэкгиз, 1931. 251 с.
- Первый Всесоюзный съезд ударных бригад (к тридцатилетию съезда). М.: Профиздат, 1959. 191 с.
- Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР о премировании за улучшения, достигнутые в порядке социалистического соревнования рабочих и служащих // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. 22 сентября. № 219. С. 4.
- Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР: в 4 т. Изд. 3-е. М.: Плановое хозяйство, 1930. Т. 1: Сводный обзор. 167 с.
- Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР: в 4 т. Изд. 3-е. М.: Плановое хозяйство. 1930. Т. 2. Ч. 1: Строительная и производственная программа. М.: Плановое хозяйство, 1930. 418 с.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. док. за 50 лет в 5 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 2: 1929–1940. 798 с.
- Рогачевская Л.С. Альтернативы первому пятилетнему плану // Россия в XX веке: Историки мира спорят: [сб. ст.] / Рос. АН, Ин-т рос. истории, М.: Наука, 1994. С. 319–328.
- Рогачевская Л.С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки 1917–1970 гг. М.: Наука. 1977. 352 с.
- Русский рубль: Два века истории. XIX–XX вв. М.: Прогресс-Академия, 1994. 323 с.
- XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.: Политиздат, 1932. 396 с.
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик. Отдел первый. М.: Советское законодательство, 1931. № 47. 16 с.
- Такер Р. Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941 . М.: Центрполиграф, 2013. 797 с.
- Хлевнюк О.В. Ударники Первой пятилетки. М.: Знание, 1989. 63 с.
- Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478, [1] с.
- Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск: Уральский рабочий, 1934. 209 с.

- Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. Кн. 1. 975 с.
- Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2012. Кн. 2. 1087 с.
- XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1930. 782 с.
- Юдин И.Н. Социальная база КПСС. М.: Политиздат, 1973. 295 с.
- Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London : Macmillan Press LTD, 1996. 612 p.

References

- Borisov Yu.S. 25-tysyachniki [25-thousandth]. Moscow: Gospolitizdat, 1959. 95 p. (In Russ.)
- Dadykin R.P. Nachalo massovogo socialisticheskogo sorevnovaniya v promyshlennosti SSSR [The beginning of mass socialist competition in the industry of the USSR]. Moscow: Gospolitizdat, 1954. 224 p. (In Russ.)
- Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London : Macmillan Press LTD, 1996. 612 p.
- Devyatyj Vsesoyuznyj s"ezd professional'nyh soyuzov SSSR: stenograficheskij otchet [Ninth All-Union Congress of Trade Unions of the USSR: verbatim report]. Moscow: Profizdat, 1933. 224 p. (In Russ.)
- Hozyajstvennoe i kul'turnoe stroitel'stvo na Urale [Economic and cultural construction in the Urals]. Sverdlovsk: Ural'skii rabochii, 1934. 209 p. (In Russ.)
- Istoriya industrializacii SSSR. 1926–1941 gg. [History of Industrialization of the USSR. 1926–1941]: documents and materials: 4 books. Moscow: Nauka, 1971. T. 3: Industrializaciya SSSR. 1933–1937 gg. [Vol. 3: Industrialization of the USSR 1933–1937]. 654 p. (In Russ.)
- Istoriya socialisticheskoy ekonomiki [The History of the Socialist Economy]: 7 vol. Moscow: Nauka. 1977. T. 3: 1926–1932. 536 p. (In Russ.)
- Istoriya sovetского рабочего класса [The History of the Soviet Working Class]: 6 vol. Moscow: Nauka. 1984. Vol. 2: Rabochij klass – vedushchaya sila v stroitel'stve socialisticheskogo obshchestva. 1921–1937 [The working class is the leading force in the construction of a socialist society. 1921–1937]. 511 p. (In Russ.)
- Ivanov Yu.M. Polozhenie rabochih Rossii v 20-h – nachale 30-h godov [The situation of the workers of Russia in the 20s – early 30s]. Voprosy istorii [Questions of history]. 1998. N 5. P. 28–43. (In Russ.)
- Kak lomali NEP: stenogrammy plenumov CK i CKK VKP (b). 1928–1929 gg. [How the NEP was broken. Transcripts of the plenums of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b). 1928–1929]: 5 t. Moscow: International Foundation «Democracija»: Materrik, 2000. T. 5. Plenum CK VKP (b). 10–17 noyabrya 1929 [Plenum of the Central Committee of the CPSU (b). November 10–17, 1929]. 694 p. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury [The owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 478, [1] p. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. Udarniki Pervoj pyatiletki [The drummers of the First Five-year plan]. Moscow: Znanie, 1989. 63 p. (In Russ.)
- Krasilnikov S.A. Rannesovetskij opyt social'noj mobilizacii [Early Soviet experience of social mobilization]. Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2018. N 4 (61). P. 38–45. (In Russ.)

Malafeev A.N. Istoriya cenoobrazovaniya v SSSR (1917–1963 gg.) [The history of pricing in the USSR (1917–1963)]. Moscow: Mysl', 1964. 439 p. (In Russ.)

Materialy k otchetu VCSPS. IX s"ezdu profsoyuzov [Materials for the report of the VTSPS. IX Congress of Trade Unions]. Moscow: Profizdat, 1932. 230 p. (In Russ.)

Osokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobil'ya»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 gg. [Behind the facade of «Stalin's abundance»: Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 271 p. (In Russ.)

Pastukhov M. Dvizhenie udarnikov k nachalu reshayushchego goda pyatiletki [The movement of strikers to the beginning of the decisive year of the five-year plan]. Voprosy truda [Questions of labor]. 1930. N 19. P. 43–46. (In Russ.)

Pastukhov M. Itogi leninskogo prizyva udarnikov [The results of the Lenin appeal of the strikers]. Voprosy truda [Questions of labor]. 1930. N 4. P. 12–17.

Pervaya Vsesoyuznaya konferenciya rabotnikov socialisticheskoy promyshlennosti: stenograficheskij otchet [The first All-Union Conference of Workers of Socialist Industry: verbatim report]. Moscow: Sotsekgiz, 1931. 251 p. (In Russ.)

Pervyj Vsesoyuznyj s"ezd udarnykh brigad (k tridcatiletiyu s"ezda) [The first All-Union Congress of shock brigades (to the thirtieth anniversary of the Congress)]. Moscow: Profizdat, 1959. 191 p. (In Russ.)

Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov Soiuza SSR o premirovanii za uluchsheniia, dostignutyie v poriadke sotsialisticheskogo sorevnovaniia rabochikh i sluzhashchikh [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR on bonuses for improvements achieved in the order of socialist competition of workers and employees]. Izvestiia TsIK SSSR i VTsIK [News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee]. 1929. September 22. N 219. P. 4. (In Russ.)

Pyatiletnij plan narodno-hozyajstvennogo stroitel'stva SSSR [Five-year plan of national economic construction of the USSR]: 4 vol. 3 ed. Moscow: Planovoe hozyajstvo, 1930. T. 1: Svodnyj obzor [Summary review]. 167 p. (In Russ.)

Pyatiletnij plan narodno-hozyajstvennogo stroitel'stva SSSR [Five-year plan of national economic construction of the USSR]: 4 vol. 3 ed. Moscow: Planovoe hozyajstvo, 1930. T. 2. Part 1: Stroitel'naya i proizvodstvennaya programma [Construction and production program]. 418 p. (In Russ.)

Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. 1917–1967 gg. [Decisions of the party and the government on economic issues. 1917–1967]: collection of documents for 50 years, 5 vol. Moscow: Politizdat, 1967. Vol. 2: 1929–1940. 798 p. (In Russ.)

Rogachevskaya L.S. Al'ternativy pervomu pyatiletnemu planu [Alternatives to the first five-year plan]. Rossiya v XX veke : Istoriki mira sporyat [Russia in the XX century : Historians of the world argue]: collection of articles. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. Moscow: Nauka, 1994. P. 319–328. (In Russ.)

Rogachevskaya L.S. Socialisticheskoe sorevnovanie v SSSR. Istoricheskie ocherki 1917–1970 gg. [Socialist competition in the USSR. Historical essays of 1917–1970]. Moscow: Nauka, 1977. 352 p. (In Russ.)

Russkij rubl': Dva veka istorii. XIX–XX vv. [The Russian Ruble: Two centuries of history. XIX–XX centuries]. Moscow: Progress Academy, 1994. 323 p. (In Russ.)

Shahtinskij process 1928 g. Podgotovka, provedenie, itogi [Shakhty trial of 1928. Preparation, conduct, results]: 2 vol. Ex. ed. S.A. Krasil'nikov. Moscow: ROSSPEN. 2011. Book 1. 975 p. (In Russ.)

Shahtinskij process 1928 g. Podgotovka, provedenie, itogi [Shakhty trial of 1928. Preparation, conduct, results]: 2 vol. / Ex. ed. S.A. Krasil'nikov. Moscow: ROSSPEN. 2012. Book 2. 1087 p. (In Russ.)

Sobranie zakonov i rasporiazhenii Raboche-Krest'ianskogo Pravitel'stva Soiuza sovetskikh sotsialisticheskikh respublik. Otdel pervyi [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics. Section one]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1931. N 47. 16 p. (In Russ.)

Tucker R. Stalin – diktator. U vlasti. 1928–1941 [Stalin is a dictator. In power. 1928–1941]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2013. 797 p. (In Russ.)

Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. Rost rabochego klassa SSSR. 1917–1940 [The growth of the working class of the USSR. 1917–1940]. Moscow: Mysl', 1976. 264 p. (In Russ.)

Vorozheikin I.E. Letopis' trudovogo geroizma. Kratkaya istoriya sotsialisticheskogo sorevnovaniya v SSSR [Chronicle of labor heroism. A brief history of socialist cooperation in the USSR]. Moscow: Politizdat, 1984. 336 p. (In Russ.)

XVI s"ezd Vsesoiuznoi kommunisticheskoi partii (b): stenograficheskii otchet [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b): Verbatim report]. Moscow: Partizdat, 1935. 782 p. (In Russ.)

XVII konferenciya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskii otchet [The XVII Conference of the All-Union Communist Party (b): verbatim report]. Moscow: Politizdat, 1932. 396 p. (In Russ.)

Yudin I.N. Sotsial'naya baza KPSS [Social base of the CPSU]. Moscow: Politizdat, 1973. 295 p. (In Russ.)

Za novye milliony udarnikov [For new millions of shock workers]. Trud [Work]. 1933. January 1, N 1. P. 3.